Ю. ИВАНОВ

НЕОМАРКИСТСКАЯ ТРАКТОВКА ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Москва, 2016

УДК 341.7
ББК 63.3(Рос=Рус)
И39

Ю. М. Иванов.

И39 Неомарксистская трактовка истории человечества / Ю. М. Иванов. – Москва: Е. В. Карпов. 2016. – 28 с.

ISBN 978-5-9598-0180-9

Автор Иванов Юрий Михайлович – доктор исторических наук. В своих работах постоянно уделял внимание изучению вклада марксизма в исследование закономерностей развития человечества. Это делалось и тогда, когда идеи марксизма считались бессмертными, и тогда, когда их объявляли бесконечно устарелыми.

Для меня Маркс и Энгельс достойный пример чистейшего бескорыстия в поисках научной истины, которому следует подражать каждому. «Я смеюсь, – писал Маркс З. Мейеру, – над так называемыми «практическими» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о *своей собственной шкуре. Но считал бы себя поистине непрактичным, если* бы подох, не закончив книги, хотя бы только в рукописи. (Письмо З. Мейеру 30 апреля 1867 г.// Письма о Капитале. М., 1948, С. 111)

Подобных «скотов», повернувшихся спиной к поискам научной истины, в нашей стране развелось множество. Они постоянно клянчат деньги и ученые звания, стараясь отличиться на поприще переписывания истории по требованию властей. Ярким примером такого типа исследователя может служить головокружительная карьера академика, лауреата множества премий и председателя международных комиссий В.А. Тишкова, не знающего элементарных особенностей этнографии и антропологии, которыми он обязан заниматься по должности директора академического института.

Из-за таких, как он, автор счел своим долгом написать представленную читателю работу. Чтобы не быть голословным, я старался приводить, порой много пространных цитат из работ Маркса и Энгельса, за что прошу меня извинить.

ISBN 978-5-9598-0180-9

По мере изменения производственных отношений на всех этапах человеческой истории возникают идеи, выражающие требования различных групп населения. Чем они прогрессивнее, тем выше их способность воздействовать на ход общественного развития. Степень этого воздействия раскрывает значимость любого идейного течения, в том числе и марксизма.

Годом его рождения считается 1848 г., когда был опубликован «Манифест коммунистической партии», где впервые был сформулирован основной закон общественного развития – зависимость сознания от складывающихся производственных отношений. «Вместе с условиями жизни людей, – писали Маркс и Энгельс, – с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, – одним словом сознание. Когда говорят об идеях, революционизирующих все общество, этим выражают лишь тот факт, что внутри общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей».[1]

Манифест не только провозгласил существование неведомого до этого основного закона, но и указал, что «внутри существующего строя уже образовались элементы нового», обусловленного

---

[1] Маркс К. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Т. 4. С. 445.

гибелью частного производства в результате прихода к власти рабочего класса.

Как обычно бывает в науке с великими открытиями, материалистическое происхождение идей на первых порах осознали немногие.[2] Требовалось время, чтобы оно стало признанным научным течением.

Рабочее движение, интересы которого защищал Манифест, в это время еще только зарождалось. Присущие ему противоречия оставались скрытыми от глаз исследователя. Предсказанное уничтожение частной собственности оставалось не более чем догадкой. Разорившиеся массы мелких производителей с одной стороны добивались получения оплаченной работы у владельцев частных заведений, с другой требовали натурального распределения предметов личного потребления на основе всеобщего равенства.

Когда писался Манифест, указанные различия между требованиями рождавшегося рабочего класса и его оппонентом – люмпен-пролетариатом – еще не стали достоянием гласности. В погоне за увеличением доходов владельцы частных предприятий старались платить работникам как можно меньше (порой товарами), низводя оплату труда до одинаково низкого уровня. В этих условиях казалось, что стоит ликвидировать частный бизнес, как вместе с ним исчезнут эксплуататоры. Подобной иллюзии не избежали Маркс и Энгельс

«В той самой степени, в какой развивается буржуазия, – писали они, – развивается пролетариат. Рабочий становится простым придатком машины, от которой требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы».[3] И далее «интересы и условия жизни пролетариата все более уравниваются по мере того, как машины все более стирают различия между отдельными видами труда и почти повсюду низводят заработную плату до одинаково низкого уровня».[4] В связи с этим «более или

[2] Энгельс Ф, Предисловие к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии» 1892 г. Т. 22. С. 57.

[3] Маркс К. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии... С. 40, 431.

[4] Там же . С. 432.

менее прикрытая гражданская война внутри существующего общества, – указывали они, – превращается в открытую революцию, пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии».[5]

Последний штрих рассматриваемой проблемы. Высмеивая мирный приход пролетариата к власти, авторы Манифеста писали: «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства при обязательности труда для всех».[6] Под этими строками готовы были подписаться как рабочие, так и люмпен-пролетариат. И тех, и других в Манифесте называли одинаковым словом – пролетариат.

Как известно, Манифест кончался словами: «Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией, в которой пролетариат приобретет весь мир» Прошло немногим более 10 лет, но раньше всех содрогнулись писавшие эти строки авторы, увидевшие, что поставленные ими цели являются не целями рабочих, а целями отвыкшего трудиться люмпен-пролетариата, стремившегося жить за чужой счет.

Раскол боровшегося с буржуазией движения породили не идейные дискуссии, а оживление деловой активности в Европе после 1848 г. и улучшение жизни рабочего класса в условиях роста промышленного производства. «Возник мировой рынок, существовавший пока что в потенции, – писал в этой связи Энгельс. – Первоначально он состоял из некоторого числа стран, преимущественно или исключительно группировавшихся вокруг одного государства – Англии, которая потребляла большую часть излишков их сырья и взамен удовлетворяла большую часть их потребностей в промышленных изделиях».[7] На базе международной торговли она превратилась в «мастерскую мира».

Вслед за Англией подобными «мастерскими» становились страны Европы и Северной Америки, тогда как остальной мир

[5] Там же. С. 435.

[6] Там же. С. 446-447.

[7] Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию «Положения рабочего класса в Англии». Лондон 1892. Т. 22. С. 273.

превращался в их сырьевой придаток. Хотя указанные отношения в Европе и Северной Америки находились еще на стадии становления, они сразу же положительно сказались на уровне жизни рабочих.

Тенденция минимизации зарплаты сменилась ее ростом, который немедленно зафиксировал Маркс. «Хотя всякий капиталист и требует, чтобы его рабочие делали сбережения, – писал он, – но он требует, чтобы это делали только его рабочие, ибо они противостоят ему в качестве потребителей. Поэтому, вопреки всем «благочестивым» фразам, капиталист выискивает всяческие средства, чтобы стимулировать потребление, придать своим товарам большую привлекательность, навязать рабочим новые потребности и т. д.»[8]

Исходя из этого, Маркс пришел к важному выводу о том, что в условиях использования машин «в качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы, обусловленные природой потребностей, и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве, и в своем потреблении».[9]

Действительно, по мере развития машинного производства усложнялись навыки и знания рабочих, требовавшие роста затрат на их обучение. Иными словами, росли издержки, связанные с их содержанием, а следовательно, и зарплата, вместе с которой потребление рабочего все дальше уходило за пределы «естественных потребностей», сводившихся в конечном счете к насыщению желудка.

Сегодня подобные факты не вызывают сомнения. Однако в средине XIX века их, как правило, считали результатом бескорыстной заботы владельцев фабрик о нуждах своих работников. Утверждение Маркса о корыстной подоплеке такой «заботы» в то время еще не получило публичного признания.

---

[8] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 г. годов. Т. 46. Ч. 1. С. 240-241.

[9] Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. Т. 46. Ч. 1. С. 282.

Другим следствием развития машинного производства было разорение владельцев мелких заведений. Лишившись источников существования, они пополняли ряды люмпен-пролетариата. Его численность особенно росла на стадиях первичного использования машин. Многие из них, покидая деревню, устремлялись в города, где, сбиваясь в стаи, грабили имущих. По свидетельству Ф. Меринга, в 1870 г. в Берлине по городу бродили сотни безработных, не зная где преклонить голову. В Нюрнберге они били окна пекарен и мясных лавок, в пивных требовали еды и пива. В Берлине высчитали, что квартирные расходы в то время выросли на 114%, расходы по хозяйству на 67%, платье подорожало на 18%. Следовательно, весь хозяйственный бюджет бездомных вырос на 66%.[10]

Основным источником своего существования они считали жизнь за счет остального населения. Захват власти в ряде государств позволил им позднее полностью реализовать свои желания, ввергнув человечество в пучину кровавых страданий и нищеты. До того времени, когда массовое разорение мелких собственников во многих странах прекратилось, в середине XIX в. было еще далеко.

Борьбе с иждивенческими устремлениями люмпен-пролетариата в не малой степени способствовала деятельность Маркса и Энгельса, возглавивших международную борьбу рабочих за повышение зарплаты и улучшение условий труда. С этой целью по их инициативе 28 сентября 1864 г. в Лондоне была создано «Международное товарищество рабочих», вошедшее в историю под названием 1-й Интернационал.

Вопреки утверждениям Ленина и Сталина, по которым до сих пор судят о деятельности этой организации, Международное товарищество не занималось подготовкой социалистической революции. Его главной целью было законодательное введение 10-ти часового трудового дня, который рассматривался как «первая

---

[10] Мэринг Ф. История германской социал-демократии. Т. 4 М., 1907. С. 55.

капитуляция политической экономии буржуазии перед политической экономией рабочего класса».[11]

Сокращение рабочего дня до 10 часов было понятно «руководителям лондонских тред-юнионов и группе парижских рабочих-прудонистов. Вместе с представителями проживавших в то время в Лондоне немецких, итальянских и других рабочих и ряда деятелей европейской мелкобуржуазной и революционно-демократической эмиграции»,[12] они создали свою организацию.

Вопрос о социалистической революции, о которой позднее говорили Ленин и Сталин, никто из учредителей организации не поднимал. Маркс и Энгельс, отвергнув любые сектантские помыслы, принимали дельные предложения всех участников движения независимо от их социального происхождения. Такая позиция способствовала успехам борьбы за сокращение рабочего дня, в которой побеждала «политэкономия рабочего класса».

С точки зрения демократии, созданное Марксом товарищество превосходило буржуазные организации не только того времени, но и многие сегодняшнего дня. Все отношения в пределах товарищества строились на началах признания истины, равенства и нравственности. У каждого должностного лица были свои права и обязанности. Участники дискуссий на всех уровнях имели один голос, решающего слова не было ни у кого. Не было и неизвестных публике обсуждений. При отказе что-то обсуждать требовались публичные разъяснения причин. Адреса всех руководителей регулярно печатались в периодических изданиях. Ответы на полученные ими письма доводились для сведения всех и т. д. и т. п. Описанная рабочая организация держалась на скуднейших взносах, составлявших у каждого участника всего 1 пенс. Для больших трат в отличие от нашего времени денег у рабочих не было.

С первых же шагов Интернационал достиг замечательных успехов в деле подъема жизненного уровня масс, что привлекало в его ряды не только фабричных рабочих, но и люмпен-пролетариат.

---

[11] Маркс К. Учредительный манифест международного товарищества рабочих

[12] Там же.

Для вождей люмпен-пролетариата «Международное товарищество» было временным попутчиком, заключавшим соглашения с буржуазией, вместо того, чтобы уничтожать ее. На опасность подобных замыслов люмпен-пролетариата первыми указали Маркс и Энгельс в связи заявлениями С. Г. Нечаева и П. Н. Ткачева о проведения кровавого террора, предваряющего построение коммунистического общества.

По поручению Генерального совета Интернационала Маркс сделал заявление, в котором говорилось: «Нечаев никогда не был ни членом, ни представителем Международного товарищества рабочих. Упомянутый Нечаев злоупотреблял присвоенным им именем Международного Товарищества рабочих для того, чтобы обманывать людей в России и приносить их в жертву».[13]

В августе 1873 г. Маркс вновь вернулся к анализу поведения Нечаева, считая, что обсуждение этого вопроса имеет международное значение. «Основатели и представители рабочих организаций Старого и Нового Света, создававшие Общий устав Товарищества Рабочих, – писал он, – упустили из виду, что сама широта его программы позволяет деклассированным элементам проникнуть в него и создать внутри тайные организации, усилия которых буду направляться не против буржуазии и существующих правительств, а против самого Интернационала. Так и произошло с Альянсом социалистической демократии (самопровозглашенной С. Г. Нечаевым организации)».[14]

В своих сочинениях Нечаев изображал коммунизм как строй, где не будет разорявшего население рынка, где каждый будет производить для общества как можно больше и потреблять как можно меньше. Не подчинившиеся этому порядку должны уничтожаться. «Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма, – писал по этому поводу Маркс. – Все тут есть: общие

---

[13] Марк К. Заявление Генерального совета по поводу злоупотребления Нечаевым имени Интернационала. Т. 17. С. 440.

[14] Маркс К. Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих. Доклад и документы, опубликованные по постановлению гаагского конгресса Интернационала. Август 1973. Т. 18. С. 327.

столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом всю общественную деятельность, и во главе всего в качестве высшего руководства безымянный и никому не известный «наш комитет».[15]

Помимо Нечаева в Интернационал стремились пролезть и другие идеологи деклассированных масс. Обличье их было разное, политика одинакова. Если Нечаев собирался совершить революцию силами уголовников, то анархист Бакунин своей опорой считал разорявшихся крестьян и мелких ремесленников. Вступив в 1864 г. в Интернационал, Бакунин создал «Международный Альянс социалистической демократии». После требования Генерального Совета распустить его, тайно сохранял свою организацию. На Гаагском конгрессе 1872 г., как и Ткачев, был исключен из Интернационала.

В отличие от Нечаева и Бакунина, руководителей враждебных Интернационалу альянсов, Ф. Лассаль был признанным руководителем одной из секций Товарищества под названием «Всеобщий германский рабочий союз». Хотя, Маркс критиковал его представления о будущем обществе (см. его критику Готской программы 1875 г.), его критика касалась лишь частностей, без разоблачения враждебного рабочим существа. Взгляды самого Маркса периода написания Манифеста к этому времени еще не были до конца преодолены.

В работе «Государство будущего» Ф. Лассаль экономически обосновал свои представления об обществе, в котором не будет места буржуазии. Его теоретические изыскания под видом марксистской борьбы против буржуазии позднее претворялись в жизнь всеми руководителями государств люмпен-пролетариата без ссылок на фамилию автора.

Говоря о современном ему обществе, Лассаль писал, «что: крупное производство допускает существование только двух форм собственности: либо *частной собственности* отдельного лица на средства производства – а это и есть капиталистический способ производства с его спутниками – нищетой и эксплуатацией

[15] Там же. С. 414.

рабочих, либо *общей собственности* всех рабочих на общие средства производства. В таком случае рабочие становятся хозяевами своих собственных продуктов и присваивают тот избыток (прибавочную стоимость), который до сих пор присваивал себе капиталист».[16]

В результате такой экспроприации полностью уничтожался разорявший мелких производителей рынок. Связь между подразделениями единого государственного хозяйства могла быть только натуральной. Согласно открытому Лассалем «железному закону», затраты на содержание работников должны были быть минимальны в условиях существовании избытка рабочих рук.[17]

Позднее подобные утверждения были беспощадно раскритикованы Энгельсом, обоснованно указавшим на то, что, когда писался Манифест коммунистической партии, такие представления не вызывали сомнения, теперь же они утратили смысл, поскольку в Европе жизнь рабочих улучшалась, намного превысив предложенный Лассалем минимум.

Уничтожая товарное производство, Лассаль на деле предлагал возродить отношения первобытной эпохи с ее натуральным распределением предметов потребления, исходя из первоочередного удовлетворения нужд властных структур. Полученные населением жалкие остатки становились издержками коммунистического государства, призванного лишь в отдаленном будущем обеспечить всем счастливую жизнь. Иными словами, зарождение коммунизма у Лассаля начиналось с предельной минимизации потребностей населения вместо того, чтобы *всемерно их развивать*.

Другое следствие ликвидации рынка – исчезновение экономических стимулов подъема производства. На их место пришло о беспощадное принуждение к труду. В возникших позднее государствах люмпен-пролетариата счет убитых шел на миллионы. Чтобы восполнить потери работоспособного населения, требовались приобретение новых заселенных жителями земель. В «государстве будущего» была предусмотрена и эта деталь.

[16] Каутский К. Эрфрутская программа 1859 г. М., 1953. С. 110

[17] Энгельс Ф. Письмо Бебелю. Т. 19. С. 1.

«Экономическое развитие, – писал Лассаль, – само заботится о том, чтобы границы будущих социалистических ассоциаций (государств) приобрели большие, чем раньше, размеры».[18]

Смертельная борьба за территориальный передел мира между «социалистическими ассоциациями» был неизбежна. Ее бесчисленные жертвы знаменовали годы 2-й мировой войны. Еще большими людскими потерями грозила холодная война, накопившая громадные запасы атомного оружия. В новых условиях старые мировые войны стали невозможны, поскольку атомные взрывы уничтожают население не только тех, против кого они направлены, но и тех, кто их произвел. Их сменили ограниченные территориальных конфликты (Донбасс, Крым, Сирия и т. д.) при одновременном создании многочисленных военных баз с запасами атомного оружия и показательными учениями по уничтожению условного противника.

Что касается приобретенных территорий, то их объявляют независимыми республиками, изгоняющими коренное население и стремящимися наладить всесторонние связи с Россией. Такую же политику проводил раньше русский царизм, выгнавший из Крыма татар и заселивший его территорию выходцами из России. В 1875г. на долю татар приходилось 84,1% крымских жителей. К 1917 г. их доля упала до 26%.[19] В годы 2-й мировой войны они были полностью выселены в другие районы СССР. Их возвращение на родину до сих пор сопряжено с многочисленными трудностями, поскольку на их месте теперь живут выходцы из России.

Нынешнее антивоенное движение объединенных в НАТО государств уже давно превратилось в непреодолимое препятствие расширению российской агрессии. Вместе с тем всегда следует помнить, что у истоков движения против грабительских войн стояла рабочие и мелких собственники, руководимые секциями Первого Интернационала, которым руководили Маркс и Энгельс.

Согласно концепции Лассаля, превращение государства в «удовлетворяющую хозяйственную ассоциацию» на первых порах будет связано с экспроприацией лишь крупной собственности, не

[18] Там же. С.120.

[19] Ruskline. Ru/ Analitica.

затрагивая мелких производителей – ремесленников и крестьян, потребляющих свою продукцию в меньших размерах, чем при рыночных отношениях. На смену денежным повинностям должны были прийти «натуральные – хлеб, вино, скот и т. п.». Тем самым задолго до появления в России нэпа, Лассаль предугадал его будущие контуры.

Мелкие собственники, начинавшие работать на «крупных коллективных предприятиях», превращались, по его словам, из «малоимущих» в «многоимущих».[20] Иначе говоря, начиная работать на крупных предприятиях, рабочий вместе с товарищами по труду становился совладельцем общественного производства. Указанные строки писались задолго до того, как рабочий класс СССР был объявлен собственником общественного производства, избавившимся от положения ничего не имевшего пролетария.

В то время как Лассаль стремился минимизировать потребление рабочих, заставляя их как можно больше трудиться, Маркс считал, что их потребление должно неуклонно расти в ходе сокращения рабочего дня. А так как буржуазия порой отчаянно сопротивлялась, то издание государственного закона о десяти часовом рабочем дне было экономически необходимо. Этим позиция Маркса отличался от позиции Лассаля, призывавшего использовать государственное принуждение против трудящихся масс.

В рассматриваемый период рабочее движение за повышение заработной платы еще делало первые шаги. Добровольные компромиссы на основе чисто рыночных отношений между рабочими и владельцами капитала достигались далеко не всегда, тогда как государственное принуждение в улаживании трудовых конфликтов ограничивало рыночные отношения между продавцами рабочей силы и ее покупателями.

В то же время, как только достигалось соглашение о продаже, положение продавца рабочей силы круто менялось. Рабочая сила прекращала быть его собственностью, став собственностью общественного предприятия, где ему предстояло трудиться. На эту особенность фабричных заведений четко указал Энгельс.

[20] Там же, С.144-145.

«Комбинированная деятельность, – писал он, – означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?» И тут же отвечал: «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности, значит желать уничтожения самой промышленности – уничтожения паровой прядильной машины, чтобы вернуться к прялке».[21]

Лассаль стремился минимизировать издержки содержания рабочей силы путем законодательного закрепления ее труда в стенах фабрики. В отличие от него, Маркс и Энгельс отстаивали периодические продажи рабочей силы, позволявшие увеличивать ее стоимость.

За пространным описанием «государства будущего» на деле скрывалось обоснование экономическими законами неизбежности возникновение государства деклассированных масс, наживавшихся за счет беспощадной эксплуатации рабочих и крестьян. В этой связи, конечно, можно, винить Маркса и Энгельса в том, что их критика бесчеловечной сущности политики люмпен-пролетариата порой не всегда была последовательной, включала определенные компромиссы, но нельзя отрицать и того, что марксизм первым начал идейную борьбу против вождей люмпен-пролетариата в то время, когда противоречия в лагере борцов с буржуазией еще только зарождались.

Большое место среди них занимал вопрос об управлении государством свергнутой буржуазии. Утверждение Лассаля о неспособности рабочих управлять обществом было верным, с чем категорически не соглашались Маркс и Энгельс. «При основании Интернационала, – писал Энгельс, – мы отчетливо сформулировали боевой клич: освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Мы не можем, идти вместе с людьми, которые открыто заявляют, что рабочие слишком необразованы, чтобы освободить себя, и должны быть освобождены сверху руками филантропических крупных и мелких буржуа».[22]

---

[21] Энгельс Ф. Об авторитете. Т. 18. С. 304.

[22] Маркс К. Энгельс Ф. А Бебелю, Либкнехту, В Браке и др. Циркулярное письмо, Лондон 17-18 сентября 1879 г.// Маркс К. Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 2. М., 1949.. С. 465.

Подобные утверждения были неверны. Рабочие по роду своей деятельности управлять общественным производством не могли. Вместо них это делали руководители люмпен-пролетариата, наживавшиеся за счет эксплуатации трудящихся.

Замечательно, что к концу XIX века указанные представления Маркса и Энгельса претерпели коренные изменения. Успехи рабочих в борьбе за демократию и несомненный подъем их жизненного уровня в условиях развивавшегося рынка заставили иначе оценить сложившуюся обстановку. Обусловленные рынком частные собственники не исчезли, тогда как на месте частного производство на глазах Маркса и Энгельса рождалось общественное производство, представленное владельцами акций.

«Что же представляет собой частное капиталистическое производство? – риторически спрашивал Энгельс. – Производство, которое ведется *отдельным* предпринимателем; а ведь оно уже *все больше и больше становится исключением.* Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами, – это уже больше не *частное* производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц. Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности».[23]

Развитие науки неисповедимо. Если бы Энгельс зациклился на проблеме исчезновения классов, то кроме абстрактных рассуждений, граничивших с его фантазиями, он ни к чему бы путному не пришел. Изучая же конкретные рыночные отношения, он делал выводы, ставшие новым словом в вопросе о грядущей трансформации общества под воздействием рынка, который до этого считался главной причиной нищеты и умственного вырождения масс.

В новых рыночных условиях насильственное низвержение частнособственнической буржуазии оказалось никому не нужно. «Можно себе представить, – писал Энгельс, что старое общество могло бы мирно врастать в новое в таких странах, где народное

---

[23] Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. Т. 22. С. 234.

представительство сосредотачивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если имеешь за собой большинство народа: в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия, где предстоящее отречение династии за денежное вознаграждение ежедневно обсуждается в печати, и где эта династия бессильна против воли народа»[24]. Мирное решение общественных вопросов становилось жизненной нормой.

В то же время следует учитывать, что в конце XIX века имелось лишь считанное число стран, «где народное представительство» обладало достаточной властью, чтобы менять характер общественного развития. «Мы, «революционеры-ниспровергатели», – писал в этой связи Энгельс, – теперь гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота».[25]

В остальных европейских странах всеобщего избирательного права не было, его еще только предстояло завоевать, пресекая попытки реакции «реставрировать монархию с господством насилия и подавлением общественных свобод и личных прав граждан».[26] При этом Энгельс блестяще показал пагубные последствия милитаризации: уничтожение личных свобод и прав, падение жизненного уровня трудящихся, заставляющие массы подниматься на борьбу против инициаторов грабительских войн. «Никто не оказывал, – писал по этому поводу Энгельс, – столько услуг нашему движению, как Бисмарк, подготовивший революцию установлением самого изощренного и самого невыносимого милитаристского режима с непрерывным увеличением налогов, участием государства в самых бесстыдных биржевых спекуляциях, возвратом к самым махровым феодальным и полицейским

[24] Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. Т. 22 С. 233.
[25] Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 г. по 1850 г. Т. 22 С. 330.
[26] Энгельс Ф. Европейские рабочие 1877 г. Т. 19. С. 149.

традициям».[27] Перечисленные Энгельсом черты немецкого милитаризма сегодня повторяются в современной России с ее чудовищными военными расходами, обрекающими население на голодное существование, с попранием демократических прав, законность которых определяют карательные органы.

Впервые наиболее полно современные демократические права и свободы были изложены в «Декларации прав человека и гражданина», принятой в годы Великой французской буржуазной революции 1789-1794 гг. Они включали презумпцию невиновности, свободный обмен мыслями и убеждениями, право лично и через своих представителей определять размеры налогов, следить за их употреблением, вносить и отклонять законопроекты, требовать отчета у каждого должностного лица, а также право каждого иметь свою собственность. В отличие от Парижа в большинстве государств того времени распределение налогов и их размеры держались в тайне, презумпция невиновности определялась карательными органами.

Последовательно отстаивая демократию и мирное решение классовых конфликтов, Энгельс порой упускал из виду, что их экономической основой является рыночный обмен, при котором неодинаково растут доходы участников сделки. Иными словами, рыночный обмен обеспечивает обогащение всех его участников. Среди них рост доходов работающих по найму занимает видное место.

В отличие от прошлого, когда изменения в разделении ручного труда целиком зависели от субъективного решения владельца фабричного заведения, теперь положение изменилось. Постоянные усовершенствования работы системы машин стали насущной необходимостью приведения размеров производства в соответствие с платежным спросом покупателей. Одновременно с нарастанием сложности и разнообразия используемых механизмов растут издержки содержания рабочей силы, а вместе с ними и ее расходы на потребление товаров и услуг. Исключение составляют такие страны как Россия, где приготовления к войне поглощают

[27] Энгельс Ф. Исключительный закон против социалистов в Германии – положение в России. Т. 19. С. 157-158.

львиную долю национальных ресурсов, оставляя населению предельно низкие голодные крохи.

Как мы уже отмечали, с появлением акционерных обществ капитал приобрел общественный характер. Индивидуального предпринимателя сменил наемный менеджер, выполняющий управленческие обязанности от имени акционеров. «Вследствие развития самой системы капиталистического производства, – писал по этому поводу Энгельс, – капиталист вытеснялся точно ткач, работающий на ручном станке».[28]

Одновременно изменился весь управленческий аппарат. «Массы рабочих, скученные на фабрике, организуются по-солдатски, – писалось в «Манифесте коммунистической партии». – Как рядовые промышленной армии, они ставятся под надзор целой иерархии унтер-офицеров и офицеров. Они (рабочие) – рабы не только класса буржуазии, буржуазного государства, ежедневно *и ежечасно порабощает их машина, надсмотрщик и, прежде всего,* сам отдельный буржуа-фабрикант».[29]

Подобные отношения были свойственны эпохе зарождения индустриального производства, когда последовательность чередовавшихся ручных операций требовала «мелочного надзора» надсмотрщиков. В отличие от подобных заведений, в акционерных компаниях разделение труда строится не на ручных операциях, а операциях механизмов, которые сами определяют темп и время окончания работ. Обслуживающие их работники лишь регулируют заранее заданный темп движения.

В условиях преобладания ручного труда роль надсмотрщика нередко исполнял наиболее искусный рабочий. На этой почве возникла иллюзия, будто рабочие сами способны управлять производством. В условиях непрерывного индустриального производства несовместимость индивидуального труда рабочих с управлением громадным хозяйством не вызывает сомнения. Возникающие на этой почве противоречия разрешаются

[28] Энгенльс Ф. Общественные классы – необходимые и излишние. Т. 19. С. 298-299

[29] Маркс К. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии, С. 431.

соглашениями профсоюзов с менеджерами, представляющими интересы акционеров.

Помимо заводов акционерных компаний имеется, конечно, множество заведений с разной степенью механизации производства и сохранением ручного труда. Под влиянием успехов профсоюзов акционерных компаний в них тоже создаются свои профсоюзы, которые Энгельс считал наиболее революционной разновидностью рабочего движения, способной вести отчаянную борьбу за улучшение жизни рабочих.

В отличие от них рабочие и профсоюзы акционерных компаний, по его мнению, находились в привилегированном положении. «Длительное улучшение мы находим, – писал Энгельс, – только в положении привилегированных категорий рабочего класса. К первой категории принадлежат *фабричные* рабочие. Законодательное установление относительно рациональных *границ рабочего дня восстановило до известной степени их* физическое состояние и дало им моральное преимущество, еще усиленное концентрацией в определенных местах. Из 10 стачек, которые они проводят, 9 вызваны самими фабрикантами во имя собственных интересов, как единственное средство обеспечить сокращение производства. Вторую группу составляют крупные тред-юнионы. Им удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, и это они считают окончательным».[30]

Действительно, противостояние фабричных рабочих собственникам акционерного капитала неизменно заканчивалось компромиссами. Эффективно бороться с уничтожением частной собственности они не могли и не хотели. Вместе с тем, заключенные ими компромиссы становились предметом для подражания рабочими всех заведений. Уровень зарплаты рабочих акционерных компаний превращался в эталон, которого старались достигнуть все отряды рабочих независимо от заведений, в которых они работали.

В конце XIX века разглядеть эту особенность классовой борьбы было еще крайне сложно. Позднее Ленин еще более усугубил

[30] Энгельс Ф. Предисловие ко 2-му нем. Изданию «Положения рабочего класса в Англии» Т. 22 С. 335-336.

неверные представления основоположников марксизма, назвав рабочих акционерных компаний рабочей аристократией, отстаивающей господство буржуазии. Ленинская характеристика объяснялась лишь тем, что большевики намеривались сокращать потребление населения до голодного минимума, тогда как Энгельс добивался ускорения роста зарплаты наемных рабочих.

Коренные изменения в отношениях между рабочими и владельцами акционерного капитала Энгельс до конца так и не понял. Когда писался «Манифест коммунистической партии», «погоня за наживой» заставляла частных владельцев капитала снижать потребление рабочего, чтобы удешевить его рабочую силу. Однако в условиях функционирования акционерного капитала та же самая «погоня за наживой» заставляла совокупных капиталистов постоянно внедрять машины, увеличивая потребление рабочего вместе с удорожанием стоимости его рабочей силы.

На социалистический характер этих отношений первым указал Франсуа Фурье в то время, когда акционерных компаний было еще чрезвычайно мало (умер в 1837 г.). В проектируемых им коммунистических фалангах он призывал на добровольных началах распределять доходы по капиталу, таланту и труду в то время, когда такое распределение еще не стало всеобщей экономической необходимостью.

Возможности роста потребления рабочих при капитализме, как мы уже неоднократно показывали, отмечал и Маркс. Однако ни он, ни Энгельс до конца решить проблему не могли. Оба исходили из того, что при обмене рабочей силы на товар капиталиста подлинная цена товара цена определяется затраченным трудом, измеряемым общественно средним временем. Если же цена товара отклонялась от фактически затраченного на его изготовление труда, то, как полагали марксисты, в этом виноват капиталист, который из-за анархии общественного производства по своему неведению произвел товара слишком много либо мало. Но это в корне неверно. Подлинная стоимость товара определяется не общественно средними затратами труда при его создании, а платежным спросом покупателей, потребляющих товар,

независимо от труда, затраченного его изготовителем.[31] Общественную ценность товара, таким образом, определяет не производитель, а его покупатель.

В своем анализе противоречий стоимости и потребительной стоимости Маркс руководствовался наработками английской политэкономии XVIII века, когда капиталистический рынок еще только зарождался. Занятый на капиталистическом предприятии работник получал так мало денег, что у него не было выбора, что и у кого покупать. Условия продажи полностью диктовал капиталист, зачастую расплачивавшийся с работниками не деньгами, а товарами. Иное дело конец XIX века, когда по мере роста машинного производства всесторонне росли умение и потребление работника, о котором так замечательно писал Маркс.

Изучая капитал, Маркс и Энгельс убедительно показали, что рынок сам без вмешательства человека стихийно изменяет общественный строй. «В капиталистическом обществе, – пишет Маркс, – отдельные частные работы фактически осуществляются *как звенья совокупного общественного труда лишь через* те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда, а при их посредстве и между самими производителями.[32] Благодаря рыночному обмену вещные отношения сами, помимо воли людей стихийно корректируют юридические нормы производственных связей, внося изменения в разделение труда, имущественные отношения и т. д.» Стихийные процессы (рыночный обмен лишь частный случай указанной закономерности), незаметно изменяли производственные отношения, независимо от воли людей обеспечивая постепенное рождение нового общественного строя. Хотя он менялся, представления о нем какое-то время привычно оставались старыми. Однако использовать этот важный вывод в своих исследованиях Маркс и Энгельс могли.

Когда они приступили к изучению капиталистического строя, им казалось, что столкновения классов – универсальный двигатель прогресса человечества. Не случайно написанный ими Манифест,

---

[31] Подробнее см. Иванов Ю. М. Социальная история России, М., 2010.
[32] Маркс К. Капитал. Т. 23. С. 83.

начинался словами, «История всех существовавших обществ (дошедшая по письменным источникам) была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетенный находились в вечном антагонизме друг другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов».[33]

В оценке событий, предшествовавших капитализму, Маркс и Энгельс, были неправы. Для наработки верных выводов у них не хватало времени. Исследование капитала и поиски способов избавления человечество от гнета и нищеты отнимали все силы. С этой точки зрения особый интерес представляет написанная Марксом «Критика готской программы».

Критикуя программу, Маркс верно предсказал, что после крушения капитализма средства производства и предметы потребления останутся разделенными: средства производства перейдут в «коллективную собственность», тогда как предметами личного потребления будет пользоваться население, включая, неработающих, а также тех, кто удовлетворяет совместные потребности общества – работников школ, учреждений здравоохранения и т. д.

Не вызывает возражение и другое положение Маркса о том, что на первых порах вклад индивидуального труда в общую трудовую копилку будет неодинаковым, в связи с чем вознаграждение за труд, как при капитализме, будет разным. Вначале такое распределение предметов личного потребления буде происходить по принципу – от каждого по способностям, каждому по его труду. Позднее, когда возникнет изобилие, на смену ему придет принцип – от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Сказанное верно угадывало контуры будущего общественного строя, уничтожившего бесправие и нищету масс, но при этом полностью изгонялись те самые рыночные отношения, которые так замечательно изменили современный мир. Вместо обмена

[33] Маркс К. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии ...С. 424.

стоимостями с его экономическими стимулами совершенствования производства и присущим ему равенством партнеров, Маркс соглашался с Лассалем распределять предметы личного потребления, минуя рынок.

«В обществе, организованном на началах товарищества, основанном на общем владении средствами производства, – писал он, – производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь *как стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда.»[34]

В таких случаях индивидуальный производитель получал, по Марксу, «квитанцию, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом общественных фондов), и по этой же квитанции получал из общественных запасов такое же количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда».[35]

В связи с этим следует отметить ряд моментов. Во-первых, в отличие от рыночного обмена стоимостями, оценка количества затраченного труда здесь субъективна. К тому же она производится лицом, непосредственно заинтересованным в увеличении размеров вычетов «в счет общественных фондов», поскольку он сам на них существует. Во-вторых, индивидуальный производитель из этих вычетов должен был получать меньше, чем при стоимостном обмене, когда переход товара из рук в руки осуществляется при взаимном согласии продавца и покупателя. Только внеэкономическое принуждение могло заставить производителя стать участником такого общественного труда.

К чему такое распределение привело на деле, свидетельствует история России и ряда других стран, где народ погибал в *нечеловеческих муках и страданиях. Военный коммунизм* беспощадно отбрасывал народы в сферу давно отживших

[34] Маркс К. Критика готской программы. М., 1940 С.23.
[35] Там же.

натуральных отношений[36], лишая их преимуществ товарного производства, способствовавшего росту благосостояния масс.

Контрасты были разительны: В странах, где выполнялись предписания Маркса и Энгельса о натуральном распределении предметов личного потребления, народ жил несравненно хуже, чем в странах с рыночными отношениями, где коммунистический принцип – от каждого по способностям, каждому по потребностям – стал давно повседневной обыденностью.

В частности, в США минимальная месячная зарплата в прошлом году составляла 70 тыс. руб. в месяц. Она была меньше месячного заработка Обамы в 29 раз; в ФРГ соответственно 100 тыс. рублей в месяц и меньше месячного заработка Меркель в 11,5 раз; в Великобритании – 90 тыс. рублей в месяц меньше месячного заработка Кэмерона в 63 раза.

Тот самый капитализм, который в прошлом сеял *беспросветную нищету, теперь превратился в источник рождения* коммунистического общества, в котором действует предсказанный Марксом и Энгельсом принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям. При минимальном уровне месячной зарплаты порядка 70-100 тыс. руб. можно спокойно трудиться, не зная нужды независимо от того, местный ли ты житель или законно признанный мигрант.

Иное дело Россия, где минимальная месячная зарплата в 2015 г. равнялась всего 6204 рублей. Свыше 50% из нее тратилось на продовольствие, низводя потребности населения до первобытного состояния, когда главным стало удовлетворение голода. Путин в это время получал 682 тыс. руб. в месяц. Его зарплата превышала минимальную зарплату наемного работника в 1100 раз.

Естественно, что подобный разрыв в потреблении высших и низших классов современного общества не имеет ничего общего с предсказаниями основоположников марксизма. В истории науки они уподобились ученым, которые утверждали, что Солнце вертится вокруг Земли, тогда как сами неосознанно доказывали противоположное, что Земля вращается вокруг Солнца. А потому,

[36] См. Иванов Ю. М. От первобытности к цивилизации (критика марксистской схемы). М., 1998.

давайте аберрацию называть своими **именами**, заменив капиталистический рыночный обмен на коммунистический, каким он в действительности является.

